

Дик Фрэнсис

ПОСЛЕДНИЙ
БАРЬЕР

Дик Фрэнсис
Последний барьер

Copyright © 1964 by Dick Francis
FOR KICKS

This edition is published by arrangement Johnson & Alcock Ltd. and
The Van Lear Agency

All rights reserved

Перевод с английского Михаила Загота

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

БОЛЬШИЕ

**И
А**

КНИГИ

Серия «Иностранная литература. Большие книги»

© М. А. Загот, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

* * *

Глава 1

Граф Октобер появился на видавшем виды бледно-голубом «холдене», а следом в жизнь мою вползли непрошенные гости – опасность и смерть.

Когда машина въехала в ворота, я шел к дому через небольшой загон, и ее приближение не вызвало у меня никакого интереса. Очередной агент по продаже, кто же еще? Голубая машина мягко остановилась между мной и дверью моего дома.

Из «холдена» вылез шатен лет сорока пяти, среднего роста, широкоплечий, с крупной, правильной формы головой и гладко причесанными волосами. На нем были серые брюки, рубашка из тонкой шерсти, строгий темный галстук, в руках – неизбежный портфель. Я вздохнул, перелез через изгородь и пошел к нему – сказать, что всучить свой товар ему здесь не удастся.

– Где я могу видеть мистера Дэниела Рока? – спросил он. Даже мое нетренированное ухо уловило, что это – англичанин, и сама по себе пришла мысль о дорогих частных школах. Держался он солидно и с достоинством, а не как торговцы и коммерсанты, которые с ходу начинают нахваливать свой товар. Я взглянул на него повнимательнее и решил не говорить, что меня нет дома. Чем черт не шутит! Возможно, это хороший клиент.

– Дэниел Рок, – без особой радости объявил я, – это я.

Веки его дернулись от удивления.

– О-о, – только и произнес он.

К такой реакции я давно привык. На хозяина процветающего конного завода я никак не тяну – сам знаю. Во-первых, я слишком молодо выгляжу, хотя и не чувствую себя молодым. Моя сестричка Белинда говорит, что не часто встретишь бизнесмена, которого можно принять за итальянского крестьянина. Умница моя сестричка. Просто волосы у меня – черные, глаза – карие, а кожа – желтоватая и быстро загорает. К тому же в тот день на мне были самые мои

старые, самые затасканные джинсы, нечищенные ездовые сапоги – и больше ничего.

Какое-то время мой посетитель смотрел по сторонам. Аккуратные загоны с выкрашенными белой краской изгородями, впереди – Г-образный конюшенный двор, справа – обшитые кедром стойла для жеребят. Первое впечатление, что дело здесь поставлено хорошо и солидно, не было обманчивым. Я работал не жалея сил и мог с чистой совестью просить за своих лошадей хорошие деньги.

Гость повернулся налево и посмотрел на сине-зеленую лагуну, дальний конец которой обрамляли прекрасные скалистые горы с покрытыми снегом вершинами. Вокруг каждой вершины – венчик перистых облаков. Дивная, величественная картина, когда видишь ее впервые.

А для меня это диво давно стало каменным мешком.

– Поразительная красота, – восхитился он. Потом круто повернулся ко мне, чуть помедлил и начал: – Я... видите ли... в Перлуме я услышал, что у вас... у вас работает конюх, англичанин... и что он якобы хочет вернуться домой. – Он сделал паузу, потом продолжил: – Не удивляйтесь, но при некоторых обстоятельствах, и если он, конечно, согласится, я бы с удовольствием оплатил ему проезд и предоставил работу на другом конце... – Он опять умолк.

Интересно, неужели конюхи в Англии стали таким дефицитом, что их приходится вербовать в Австралии?

– Может быть, пройдем в дом, – предложил я, – и вы мне все объясните?

Мы вошли в гостиную, и за спиной я услышал его восторженное восклицание. Эта комната поражала всех, кто в нее заходил. Почти всю дальнюю стену занимало окно, и оно словно окаймляло самую эффектную часть лагуны и гор, приближало их; мне же казалось, что они сомкнулись еще теснее обычного. Я сел к ним спиной в старую качалку из гнутой древесины и жестом предложил гостю занять кресло напротив.

– Итак, мистер... – Я помедлил.

– Октябрь, – с готовностью подсказал он. – Только не мистер. Граф.

Я с любопытством взглянул на него. В моем представлении граф должен выглядеть как-то иначе. Скорее он похож на хваткого президента компании, выехавшего в отпуск. Впрочем, никто ведь не мешает графу быть президентом компании! Вполне возможно, что иногда им приходится становиться президентами против своей воли.

Он едва заметно улыбнулся:

– Наверное, следует начать с того, что в Австралию меня привели дела – у меня интересы в Сиднее, приезд же в ваши края – это последний этап частной поездки по местам, где готовят и растят скаковых лошадей. Я один из руководителей национального английского жокей-клуба по стипль-чезу и скачкам с препятствиями, и, естественно, мне крайне интересно знать, как готовят лошадей в Австралии... Так вот, когда я обедал в Перлуме (это ближайший город, километрах в двадцати пяти отсюда), я разговорился с каким-то человеком. Он по акценту узнал во мне англичанина и сказал, что в этих краях обитает лишь один мой соотечественник – он работает у вас конюхом и настолько глуп, что хочет вернуться обратно.

– Верно, – согласился я. – Это Симмонс.

– Артур Симмонс, – кивнул он. – Что он за человек?

– Очень хороший конюх, – сказал я. – Но желание вернуться в Англию возникает у него, только когда он пьян. А пьяным он бывает только в Перлуме. Здесь – никогда.

– Понятно, – сказал он. – Так, может быть, он поедет, если предоставить ему такую возможность?

– Не знаю. Смотря зачем он вам нужен.

– За последние пару лет у нас участились случаи применения допинга на скачках, – решительно заговорил он, – и мы приняли серьезные меры. Люди привлекались к судебной ответственности, попадали в тюрьму, в конюшнях была введена строгая дисциплина, у лошадей регулярно брали на анализ слюну и мочу. Для борьбы с допингом на выигрыш мы стали выборочно проверять первую

четверку лошадей. Мы проверяли всех проигравших фаворитов, чтобы выявить допинг на проигрыш, особенно если проигрыш этот выглядел подозрительным. Почти все результаты анализов после введения новых правил оказались отрицательными.

– Прекрасно, – сказал я без особого энтузиазма.

– Ничуть. Кто-то изобрел средство, выявить которое наши врачи-ветеринары не могут.

– Но разве такое возможно? – вежливо поинтересовался я. Время проходило впустую, а дел было по горло.

Он понял, что его проблемы меня заботят мало.

– Таких нераскрытых случаев было десять, лошади средних возможностей пришли к финишу первыми. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять – этих лошадей чем-то стимулировали, но результаты анализов не показали абсолютно ничего. – Он помолчал. – Допинг – почти всегда дело рук персонала. Другими словами, конюхи имеют к этому отношение всегда, пусть незначительное, – например, могут сказать кому-то, в каком деннике стоит нужная лошадь.

Я понимающе кивнул. В Австралии тоже жулья хватает.

– Два других стюарда национального жокей-клуба и я уже не раз думали о том, как бы проследить за введением допинга изнутри, через персонал, то есть...

– Чтобы какой-то конюх шпионил для вас? – подсказал я.

Он чуть поморщился.

– Вы, австралийцы, не любите ходить вокруг да около, – пробормотал он. – Да, в общем-то, мысль была именно такая. Впрочем, дальше разговоров дело не пошло, потому что здесь много трудностей, и, откровенно говоря, у нас нет никакой гарантии. Вполне возможно, что конюх, к которому мы обратились бы, уже давно работает для... другой стороны.

Я усмехнулся:

– А с Симмонсом такая гарантия есть?

– Да. К тому же он англичанин и в мир скачек войдет совершенно незамеченным. Мне пришло это в голову сегодня во время обеда. Поэтому я спросил дорогу и поехал прямо к вам – посмотреть, что он за человек.

– Пожалуйста, вы можете поговорить с ним, – сказал я, поднимаясь. – Но думаю, это бесполезное дело.

– Мы хорошо ему заплатим, – не понял меня он.

– Я не о том. Предложение ваше он, может, и примет. Просто эта работа ему не по плечу – он с ней не справится.

Мы вышли в залитый солнцем двор.

– Подождите, сейчас я его позову, – сказал я, завернул за угол дома и, приложив пальцы к губам, резко свистнул. В окне небольшого домика на другом конце двора показалась голова, и я крикнул:

– Позови Артура!

Голова кивнула, исчезла, и вскоре Артур Симмонс засеменял ко мне – не первой молодости, низкорослый, кривоногий, весь облик его говорил, что человек этот – сама простота. Я отвел его к лорду Октоберу и оставил их наедине. Вскоре я вернулся. Издалека я видел, как Октобер вытащил из бумажника какую-то банкноту и протянул ее Симмонсу. Артур, конечно, не согласится, хоть он и англичанин. Он уже много лет живет здесь, прижился, стал таким же австралийцем, как и все мы. Нет, в Англию его никаким пирогом не заманишь, а по пьянке человек может сказать любую глупость.

– Вы были правы, – сказал мне Октобер. – Человек он, видно, прекрасный, но для такой работы не годится. Я даже не стал ему ничего предлагать.

– А не слишком ли много вы ждете от простого конюха, пусть даже самого толкового? Разве он сумеет сделать то, перед чем спасовали такие люди, как вы?

– Согласен. Это и есть одна из трудностей, о которых я говорил. Но мы сейчас хватаемся за любую соломинку. И готовы испробовать любое средство. Любое. Положение очень серьезное, уверяю вас.

Мы подошли к его машине, и он открыл дверцу.

– Спасибо вам, мистер Рок. Надеюсь, я отнял у вас не очень много времени? – Он улыбнулся, однако я видел, что он немного смущен и расстроен.

Я покачал головой и улыбнулся в ответ, а он включил двигатель, развернулся и поехал к воротам. Я забыл о нем раньше, чем он успел скрыться из виду.

Забыл. Однако нам суждено было встретиться снова.

Он вернулся на следующий день, перед заходом солнца. Когда я увидел его, он терпеливо сидел в своей голубой машине и курил – конечно, уже выяснил, что в доме никого нет.

Я шел из конюшни – вечером там всегда полно работы – и отметил про себя, что он снова застал меня в самом неприглядном виде.

Увидев меня, он вылез из машины и затоптал сигарету.

– Добрый вечер, мистер Рок. – Он протянул руку, и я пожал ее.

На сей раз он не торопился начать разговор. Ни капли смущения в его облике не было. Наоборот, сейчас любой бы понял, что человек этот привык верховодить, и я вдруг увидел в нем ту силу, которая заставляет несговорчивых директоров голосовать на заседании правления за внесенное им предложение.

И я сразу понял, что он приехал по мою душу.

Я с легким сомнением взглянул на него, потом жестом пригласил в дом, и мы вошли в гостиную.

– Что-нибудь выпьете? – предложил я. – Виски?

– Спасибо. – Он взял стакан.

– Если не возражаете, – сказал я, – я пойду переоденусь. – «И подумаю», – добавил я про себя.

Я принял душ, надел хорошие брюки, носки, домашние туфли, белую поплиновую рубашку и темно-синий шелковый галстук. Я аккуратно причесал перед зеркалом влажные волосы и вычистил грязь из-под ногтей. Деловой разговор желательно вести на равных, тем более с графом, настроенным столь решительно.

Я вошел в гостиную, и он поднялся, одним едва заметным взглядом оценив происшедшую со мной перемену.

– Наверное, – сказал он, – вы догадались, зачем я приехал.

– Возможно.

– Чтобы предложить вам работу, которую вчера предлагал Симмонсу, – объявил он без обиняков, но и без лишней спешки.

– Я так и подумал, – ответил я. Потом чуть отхлебнул из стакана. – Увы, принять ваше предложение не могу.

Мы стояли и смотрели друг на друга. Я знал, что Дэниел Рок, стоящий перед ним, здорово отличается от вчерашнего. Более солидный. Наверное, более похожий на человека, которого он ожидал увидеть здесь вчера. Известное дело, по одежке встречают.

– Я многое узнал о вас, – медленно произнес он. – Вчера, возвращаясь от вас, я вдруг подумал: как жаль, что вы не Артур Симмонс. Вы бы прекрасно подошли для этой работы. Вчера вы выглядели... извините меня... как раз так, как нам надо. – В голосе послышались виноватые нотки.

– А сейчас нет?

– Вы сами знаете, что нет. Вы, наверное, специально и переоделись. Не сомневаюсь, что, если бы вы предстали передо мной в таком виде вчера, мне бы и в голову не пришло предложить вам что-нибудь подобное. Но когда вы шли через загон полуголый, в драных джинсах, похожий на цыгана, я действительно принял вас за наемного работника... Ради бога, извините.

Я чуть усмехнулся:

– Такое случается часто, я не обращаю на это внимания.

– Внешне вас не отличишь от настоящего конюха, да и акцента почти никакого. Вы бы нам подошли по всем статьям. О такой удачной кандидатуре я и не мечтал.

– В смысле физических данных, – сухо заметил я.

– Во всех смыслах. Я ведь сказал, что многое узнал о вас. Вчера по дороге в Перлуму я решил... навести о вас справки, если можно так выразиться, узнать, что вы в действительности за человек...

выяснить, не может ли вас хоть как-то заинтересовать предлагаемая нами работа. – Он немного выпил и выжидательно смолк.

– Мне это совершенно ни к чему, – сказал я. – Работы у меня и здесь хватает. – Это еще слабо сказано – работы хватало с головой.

– Двадцать тысяч фунтов вас бы устроили? – спросил он словно между делом.

Кратким ответом на этот вопрос было бы «да». Вместо этого я, секунду помедлив, спросил:

– Австралийских или английских?

Уголки его рта чуть опустились, глаза сузились. Мой вопрос показался ему забавным.

– Английских, разумеется, – не без иронии ответил он.

Я молчал. Просто смотрел на него. Словно прочитав мои мысли, он опустился в кресло, удобно скрестил ноги и сказал:

– Хотите, расскажу, как вы распорядитесь этой суммой? Вы заплатите за учебу в медицинском колледже, о котором мечтает ваша сестра Белинда. Ваша младшая сестричка Хелен хочет пойти учиться в школу живописи – вы дадите ей эту возможность. Вы отложите деньги для того, чтобы ваш тринадцатилетний брат смог стать адвокатом, – если он, когда повзрослеет, не раздумает. Вы сможете взять еще нескольких работников, иначе заботы о том, как прокормить, одеть и выучить брата и сестер, быстро доведут вас до могилы.

Наверное, можно было не удивляться, что он все разнюхал основательно, но зачем совать нос в мои личные дела? Я разозлился.

– Я тоже должен дать образование двум дочерям и сыну, – продолжал он, – поэтому знаю, во что это обходится. Моя старшая дочь уже в университете, а близнецы – мальчик и девочка – совсем недавно окончили школу.

Я продолжал молчать, и он заговорил снова:

– Вы родились в Англии, но еще ребенком попали в Австралию. Ваш отец Хауэрд Рок был адвокатом, хорошим адвокатом. Когда вам было восемнадцать лет, ваши родители погибли в катастрофе на

море. На ваши плечи легли заботы о себе, сестрах и брате, и вы стали зарабатывать на жизнь разведением и продажей лошадей. Я знаю, что вы собирались пойти по стопам отца, но деньги, отложенные родителями на вашу учебу, вы пустили на создание собственного дела. Можно сказать, вы преуспеваете. Лошади, которых вы продаете, пользуются репутацией дисциплинированных и хорошо обученных животных. К своей работе вы относитесь серьезно и в своей среде пользуетесь уважением.

Он с улыбкой взглянул на меня. Я стоял не шевелясь. Кажется, это было еще не все.

– Директор вашей бывшей школы в Джилонге, – продолжал он, – говорит, что у вас хорошая голова и вы способны на большее. Директор вашего банка говорит, что вы почти ничего не тратите на себя. Ваш доктор говорит, что вы не были в отпуске вот уже девять лет, если не считать месяца, который пролежали в больнице со сломанной ногой. Ваш пастор говорит, что вы никогда не ходите в церковь и его это очень печалит. – Он неторопливо отпил из стакана.

Похоже, перед графами, если им что-нибудь нужно, открываются все двери.

– И наконец, – добавил он с легкой ухмылкой, – бармен из «Золотой долины» в Перлуме говорит, что не побоялся бы оставить вас со своей сестрой, хоть вы и красавчик.

– И какие вы сделали выводы? – спросил я, уже вполне успокоившись и держа себя в руках.

– Что вы зануда, работяга и педант, – с удовольствием выложил он.

Я с облегчением рассмеялся и сел в кресло.

– Вы совершенно правы, – согласился я.

– С другой стороны, все говорят, что если вы беретесь за что-то, то обязательно доводите дело до конца, что вам нипочем тяжелая физическая работа. А о лошадях вы знаете столько, что вполне можете работать конюхом с завязанными глазами и стоя на голове.

– Весь ваш план никуда не годится, – со вздохом произнес я. – С этой работой не справлюсь ни я, ни Артур Симмонс, вообще никто. Она просто невыполнима. Сколько в Англии скаковых конюшен? Сотни! Вы можете жить в них месяцы и ни о чем не слышать, хоть махинации вокруг вас будут идти полным ходом.

– Не думаю. – Он покачал головой. – Бесчестных конюхов у нас на диво мало, гораздо меньше, чем кажется вам, да и многим другим. И если пройдет слух, что какой-то конюх падок на даровые деньги, к нему потянутся мошенники всех сортов, как к неохраняемой золотой жиле. Нашему человеку потребуется сделать одно: намекнуть, что с ним можно иметь дело. Его завалят предложениями, можно не сомневаться.

– Но теми ли, которые вам нужны? Не уверен.

– Во всяком случае, мне кажется, этим путем можно докопаться до истины. Честно говоря, положение таково, что мы готовы ухватиться за любую возможность. Мы уже все испробовали. Безрезультатно. Хотя всех, кто имел какое-либо отношение к «порченным» лошадям, подвергали тщательным допросам. Полиция заявила, что помочь ничем не может. Раз мы не знаем, какой именно допинг применяется, мы не можем дать полиции никаких сведений. Мы наняли фирму частных агентов, но и они ничего не добились. Прямые действия не дали результатов, косвенные – того хуже. Я готов поспорить на двадцать тысяч фунтов, что вам удастся добиться большего. Итак, согласны?

– Не знаю, – ответил я и тут же мысленно обругал себя за слабость. Я должен был ответить: «Нет, разумеется, нет».

Он заметил мою оплошность, подался всем корпусом вперед и заговорил быстро, вкладывая в каждое слово страстную убежденность.

– Я хочу, чтобы вы поняли, как сильно я и мои коллеги обеспокоены этими нераскрытыми случаями применения допинга. Я сам владелец нескольких скаковых лошадей – их в основном готовят для стипль-чеза, – в моем роду из поколения в поколение

очень любили скачки и делали для их развития все возможное... Трудно даже выразить словами, какую роль в жизни таких, как я, играет конный спорт... И вот уже второй раз за три года его процветание находится под серьезной угрозой. Во время первой большой волны допинга печать и телевидение не поскупились на злые шутки, и мы не можем позволить, чтобы это повторилось. Пока нам удастся усыплять бдительность репортеров, потому что случаи эти происходят не так уж часто – первый произошел больше года назад, – и если у кого-то возникают вопросы, мы просто отвечаем, что результаты анализов отрицательные. Но мы обязаны раскрыть эту новую форму допинга сейчас, пока она не получила широкого применения. Иначе над скачками нависнет смертельная угроза. Представьте себе – число лошадей, победивших под воздействием допинга, все растет, зрители теряют веру, разочаровываются... Стиплъ-чез получит такой удар, от которого не скоро удастся оправиться, если вообще удастся. Речь не только о приятном времяпровождении. Скачки – это ведь целая индустрия, в ней заняты тысячи людей... Далеко не последнюю роль играют и владельцы конных заводов, такие, как вы. И если почитатели конного спорта откажутся финансировать скачки, это может привести к катастрофе.

– Но неужели в самой Англии нельзя найти человека, который смог бы собрать нужные вам сведения? – возразил я. – Человека, который знает мир ваших скачек вдоль и поперек. Я-то о них не знаю абсолютно ничего! Я распрощался с Англией, когда мне было девять лет. Какой от меня толк? Нет, это исключено.

«Вот так лучше», – похвалил я себя. Главное – держаться потверже.

Он посмотрел в свой стакан и заговорил, словно с неохотой:

– Видите ли... мы пробовали найти такого человека в Англии... Спортивный журналист, специалист по скачкам. Очень хорошее чутье. К тому же мы чувствовали, что на него можно положиться. Одним словом, он занялся поисками. Увы, он потратил на них

несколько недель, и все впустую. А потом бедняга погиб в автомобильной катастрофе.

– Но можно попробовать еще кого-нибудь... – не уступал я.

– Он погиб в июне, в соревнованиях по стипль-чезу как раз был летний перерыв. Новый сезон начался в августе, и только тогда нам в голову пришла мысль о конюхе со всеми связанными с ней трудностями.

– Попробуйте сына какого-нибудь фермера, – предложил я. – Говорит с акцентом, отлично знает лошадей... такой вам подошел бы.

Он покачал головой:

– Англия – слишком маленькая страна. Сыну фермера достаточно будет несколько раз вывести лошадь перед началом скачек, и его разоблачат. Слишком многие его узнают и начнут задавать вопросы.

Наступила тишина, и он поднял голову от стакана. Лицо его было строгим, почти суровым.

– Итак? – сказал он.

Я собирался твердо сказать «нет». Вместо этого я снова произнес:

– Не знаю.

– Какие нужны слова, чтобы вас убедить?

– Никаких. Я подумаю. Ответ дам завтра.

– Что ж, прекрасно. – Он поднялся, отказался от моего предложения пообедать и вышел. Этот человек излучал силу, как печь – тепло. Когда машина уехала и я вернулся в дом, он показался мне пустым.

В черном небе сияла полная луна. Далеко позади меня, озаренная лунным светом, виднелась белоснежная плоская вершина горы Косцюшко. Я сидел на высокой скале и смотрел на свой дом.

Передо мной лежала лагуна, большие пастбищные выгулы, доходившие до перелеска, чистенькие, огороженные белой изгородью загоны возле дома, серебристая крыша жеребьячьих стойл, добротное здание конюшни, общежитие для конюхов и дом –

длинный, низкий, с изящными линиями, в большом крайнем окне его отражался лучик луны.

Передо мной лежала моя тюрьма.

Поначалу жизнь здесь меня не угнетала. Позаботиться о нас было некому, и мне даже доставляло удовольствие утереть нос людям, которые утверждали, что я не смогу прокормить себя и трех маленьких детей, Белинду, Хелен и Филипа. Лошадей я любил всегда, и с самого начала дела у меня пошли хорошо. Во всяком случае, с голоду мы не умирали, и я даже убедил себя, что юриспруденция вовсе не мое призвание.

Работать приходилось много, но я не роптал. Я очень любил своих сестричек и брата и ничуть не жалел о содеянном. Но радость от того, что я содержу целое семейство, постепенно угасала, и меня стала все чаще посещать назойливая мысль: я сам себе выстроил комфортабельную ловушку.

Пройдет восемь-десять лет, они вырастут, получают образование, найдут себе пару в жизни, и мой долг будет выполнен. Через десять лет мне будет тридцать семь. Наверное, и я к тому времени женюсь, обзаведусь детьми и пошлю их учиться во Френшэм и Джилонг... Вот уже четыре года я подавлял в себе желание вырваться, убежать. Когда все они съезжались на каникулы, было легче – дом оживал от их голосов, от стука плотницкого молотка (увлечение Филипа), от пестрых девчоночьих платиц, развешанных на веревке в ванной. Летом мы катались на лодке или плавали в лагуне, зимой катались на лыжах по горам. Но через неделю после их возвращения в школу меня начинало тянуть на волю, тянуть болезненно, неодолимо. На вольную волю, надолго и далеко: дальше центров, где проходят торги и аукционы лошадей, дальше Сиднея, Мельбурна и Кумы, куда я изредка ездил по делам. Хотелось, чтобы жизнь оставила в памяти что-то еще, кроме одинаковых, приносящих прибыль дней, кроме окружавшей меня красоты.

Я говорил себе, что думать об этом бесполезно, жаловаться на судьбу грех, потому что несчастья мои выдуманы, – ничего не

помогало. Каждый вечер меня охватывала глубокая, до головной боли хандра, днем же от нее было одно спасение – я работал без передышки, поэтому, кстати, не страдали дела.

Лорд Октобер обрушился на меня, когда после отъезда детей прошло одиннадцать дней и спал я плохо. Наверное, поэтому я и сидел в четыре утра на склоне горы и ломал голову над тем, принять ли это удивительное предложение и отправиться на другой конец света работать конюхом. Да, передо мной приоткрыли дверцу клетки, это верно. И все же... уж слишком большой, подозрительно большой казалась наживка.

Двадцать тысяч английских фунтов... Огромные деньги. Впрочем, он ведь не знает, что мне не сидится на месте, и мог подумать, что меньшая сумма не произведет впечатления. Интересно, сколько он собирался предложить Артуру?

С другой стороны, был некий спортивный журналист, который погиб в автомобильной катастрофе... Если Октобер и его коллеги хоть на секунду сомневаются в том, что это был просто несчастный случай, тогда можно предположить, что они назначают такое высокое вознаграждение для успокоения собственной совести. Благодаря профессии отца я в молодости многое узнал о преступлениях и преступниках, и мысль о подстроенной аварии не казалась мне бредом сумасшедшего.

Англия, думал я. Двадцать тысяч фунтов. Поиск. Честно говоря, мне не передалась, как того хотел Октобер, значимость предстоящего дела. Между мной и английскими скачками лежал целый мир. И если я возьмусь за эту работу, то отнюдь не из альтруизма. Я поеду в Англию, потому что сердце мое соскучилось по приключениям, потому что я смогу там встряхнуться и показать, на что способен, потому что меня словно поманила сирена, велев послать к черту все дела и освободить чахнувшую душу от пут, в которые я сам ее заковал.

Здравый смысл говорил, что мне предлагают безнадежное, бессмысленное дело, что граф Октобер – лишенный чувства

ответственности безумец, что я не имею права оставлять детей без присмотра и пускаться в кругосветную авантюру и что единственный путь для меня – остаться на своем месте и научиться не хандрить.

Здравый смысл проиграл.

Глава 2

«Боинг-707» доставил меня в Англию девять дней спустя.

Последняя неделя прошла суматошно и хлопотно. Я втиснул в нее месячные порции писанины и уйму всяких практических приготовлений. Одна из трудностей была в том, что я не знал, на сколько уезжаю, но решил: если ничего не добьюсь за полгода, на поисках можно будет ставить крест, и, исходя из этого, стал строить свои планы.

В банке я договорился, что заплачу вперед за школу и фураж для лошадей, выписал несколько чеков на имя старшего конюха (он оставался за меня), которые он имел право погашать по одному на зарплату и питание для всех работников. Что касается моего «гонорара», Октобер заверил, что он будет переведен на мой текущий счет без промедления.

– Если я ничего не добьюсь, вы получите свои деньги обратно – за вычетом того, что я заработал бы, сидя на месте, – сказал я ему.

Он отказывался, но я настаивал на своем. В конце концов, мы пошли на компромисс: десять тысяч я получу сразу же, а другую половину – после выполнения миссии.

Я отвел Октобера к моим стряпчим, которые облекли наше необычное соглашение в форму сухого юридического документа, и Октобер, насмешливо улыбаясь, подписал его вместе со мной.

Его веселость, однако, как рукой сняло, когда я попросил его застраховать мою жизнь.

– Боюсь, я не могу этого сделать, – сказал он, нахмурившись.

– Потому что застраховать меня... невозможно? – спросил я.

Он промолчал.

– Что же в действительности случилось с журналистом?

Стараясь не смотреть мне в глаза, он покачал головой:

– Не знаю. Внешне это был несчастный случай. Я почти уверен, что это был несчастный случай. Он ночью проскочил поворот в

районе йоркширских вересковых холмов. Машина вылетела с дороги, свалилась в долину и загорелась. Спасти его мог разве что чудом. Прекрасный был парень...

– Даже если вы подозреваете, что он погиб не из-за несчастного случая, меня это не остановит, – сказал я серьезно, – но вы должны быть со мной откровенны. Если это не был несчастный случай, значит он что-то выяснил... может быть, наткнулся на что-то важное... Я хочу знать, где он был и что делал в последние дни перед смертью.

– Вы думали об этом прежде, чем принять мое предложение?

– Да, разумеется.

Он улыбнулся, словно с плеч его упал тяжелый груз:

– Чем больше я узнаю вас, мистер Рок, тем больше благодарю Бога за то, что он велел мне пообедать в Перлуме, а потом направил на поиски Артура Симмонса. Что ж... Томми Стэплтон – журналист – водил машину хорошо, но в аварию, я полагаю, может попасть каждый. Было начало июня, воскресенье... фактически понедельник, потому что умер он около двух часов ночи. Кто-то из местных жителей показал, что в половине второго дорога выглядела нормально, а в два тридцать возвращавшиеся из гостей супруги заметили на повороте сбитые столбики и остановились посмотреть, в чем дело. Машина еще тлела – на дне долины они видели красное сияние. Они поехали дальше и в ближайшем городке сообщили о случившемся.

В полиции пришли к выводу, что Стэплтон заснул за рулем. Такое бывает часто. Но они не смогли выяснить, где он находился после пяти вечера, когда уехал от друзей. Дорога до йоркширских холмов не заняла бы у него больше часа, таким образом, неизвестно, где он провел девять последних часов. О происшествии написали почти все газеты, но никто так и не сообщил, что в тот вечер виделся со Стэплтоном. В полиции, насколько я понимаю, решили, что он был с чужой женой... с кем-то, не жаждущим рекламы. Одним словом, аварию записали в разряд несчастных случаев по вине водителя.

Вы спросили, где он был за несколько дней до смерти. Мы навели справки, не привлекая ничьего внимания. Ничего подозрительного не обнаружили. Он был где обычно, занимался чем обычно.

Мы, то есть два других стюарда и я, попросили йоркширскую полицию показать нам все, что они извлекли из сгоревшей машины, но ничего интересующего нас там не оказалось. Он был холост, жил с матерью и сестрой, с их позволения мы обыскали дом в надежде найти какой-то материал, предназначенный для нас. Увы, мы ничего не нашли. Мы также связались со спортивным редактором газеты, где он работал, и попросили посмотреть, не осталось ли что-нибудь в его столе. Там оказались кое-какие личные мелочи и конверт с газетными вырезками о случаях допинга. Конверт мы взяли себе. В Англии вы его увидите. Впрочем, боюсь, эти вырезки едва ли вам помогут. Сведения там очень обрывочные.

– Вам хочется верить, что это был несчастный случай, – заметил я. – Вам очень хочется в это верить.

Он сдержанно кивнул:

– Всякое другое предположение наводит на слишком тревожные мысли. Если бы не эти девять часов, сомнений вообще не было бы.

На улице мы попрощались, и он дал мне свой лондонский адрес. Он уже наполовину забрался в машину, но вспомнил что-то и сказал:

– Наверное, для облегчения вашей... задачи вы должны выглядеть как человек, которого... можно купить, тогда мошенники клюнут на вас.

– Разумеется, – усмехнулся я.

– Тогда, если не возражаете, я предложил бы вам отрастить бачки. Удивительное дело: сантиметр-другой волос под ухом, а к человеку уже по-другому относишься!

– Отличная идея, – засмеялся я.

За два дня до отлета я отправился в Джилонг, чтобы попрощаться с Филипом и объяснить его учителю, что я на некоторое время улетаю в Европу по делам. Возвращался я через Френшэм, где обитали мои сестрички, и обе изумленно воскликнули при виде

отрастающих бачков, которые сразу делали меня похожим на человека с сомнительной репутацией.

Хелен было уже шестнадцать лет, она превращалась в нежную, красивую девушку, изящную, как цветы, которые она любила рисовать. Из всех троих она была наименее самостоятельной и особенно тяжело страдала из-за того, что у нее нет матери.

– Неужели, – взволнованно воскликнула она, – тебя не будет все лето? – Вид у нее был такой, словно гора Косцюшко вдруг превратилась в пыль.

– Ничего, ты со всем справишься и без меня. Ты ведь уже почти взрослая, – поддразнил я ее.

– Без тебя и каникулы будут не каникулы.

– Пригласи к нам пожить кого-нибудь из подруг.

– Правда? – Она просияла. – А можно? Как будет здорово!

И став чуть счастливее, она поцеловала меня и убежала на урок.

Что до Белинды, то мы всегда прекрасно понимали друг друга, и только ей одной (я должен был это сделать) я рассказал о настоящей причине моего внезапного «отпуска». Эта новость ее очень огорчила, чего я никак не ожидал.

– Дорогой Дэн, – сказала она, держа меня за руку и трогательно сопя, чтобы не заплакать, – я знаю, ты работаешь изо всех сил, чтобы дать нам образование, и, если один раз ты решил сделать что-то для себя самого, мы должны быть только рады. Но, умоляю тебя, будь осторожен. Мы будем очень ждать тебя.

– Я вернусь, – неловко пообещал я, протягивая ей носовой платок. – Я вернусь.

В лондонском аэропорту я взял такси и вскоре, миновав засаженную деревьями площадь, оказался возле дома графа Октобера. Моросил серый дождь, но на моем настроении погода не отражалась. На душе было легко, ноги сами несли меня вперед.

В ответ на звонок строгая черная дверь открылась, приветливый слуга сразу взял мой саквояж и сказал, что сейчас же проведет меня

наверх, потому что его светлость ждет меня. «Верх» оказался гостиной на втором этаже с пурпурными стенами, где вокруг электрического обогревателя в виде камина стояли трое мужчин со стаканами в руках. Все трое излучали уверенность и силу, свойственные Октоберу. Это был правящий триумвират национального жокей-клуба. Крупные птицы. Привычка властвовать и повелевать стала для них семейной традицией и вырабатывалась сотни лет. Внутри у меня все так и бурлило от радости, они же сохраняли полное спокойствие.

– Мистер Рок, ваша светлость, – объявил слуга.

Октобер пересек комнату и подошел ко мне.

– Хорошо долетели?

– Спасибо, прекрасно.

Он повернулся к двум мужчинам.

– Два других стюарда – мои коллеги – приехали познакомиться с вами.

– Меня зовут Мэклсфилд, – представился более высокий, чуть сутуловатый пожилой джентльмен с ершистыми седыми волосами. Выгнувшись вперед, он протянул мне мускулистую руку. – Чрезвычайно рад познакомиться с вами, мистер Рок. – Взгляд у него был ястребиный, пронизательный.

– А это – полковник Бекетт. – Он указал на третьего джентльмена, худощавого, болезненного вида мужчину, который также пожал мне руку, но его рукопожатие было слабым и вялым. Наступило молчание, они рассматривали меня, словно я прилетел из космоса.

– Я в вашем распоряжении, – вежливо сказал я.

– Что ж... раз так, перейдем прямо к делу, – предложил Октобер и подвел меня к покрытому шкурой креслу. – Может быть, для начала выпьем?

– Не откажусь.

Он протянул мне стакан (более ароматного виски я в жизни не пробовал), и все сели в кресла.

– Моих лошадей, – начал Октобер спокойным, неофициальным тоном, – тренируют в конюшне, расположенной рядом с моим домом в Йоркшире. Сам я их тренировкой не занимаюсь – приходится часто ездить по делам. Лицензия на работу с лошадьми выдана человеку по фамилии Инскип; помимо моих, в конюшне содержатся и лошади моих друзей. Всего в конюшне сейчас тридцать пять лошадей, одиннадцать из них принадлежат мне. Нам кажется, что лучше всего начать работать конюхом в моей конюшне, а потом, когда приглядитесь к обстановке, переберетесь в другое место, если сочтете нужным. Пока все ясно?

Я кивнул.

– Инскип – честный человек, – продолжал он, – однако не всегда умеет держать язык за зубами, поэтому мы решили, что у него не должно быть никакого повода обсуждать ваше появление в конюшне. Как правило, конюхов нанимает он сам, следовательно, и вас должен нанять не я, а он.

Чтобы создать нехватку конюхов – тогда ваше предложение о приеме на работу будет немедленно принято, – полковник Бекетт и сэр Мэклсфилд через два дня пришлют в мою конюшню по три жеребца каждый. Это не самые хорошие лошади, но лучшие из того, чем мы сейчас располагаем.

На всех трех лицах появились улыбки. Что ж, им было отчего улыбаться. Штабная работа была поставлена толково.

– Через четыре дня конюхи начнут жаловаться на переработку, и тут появитесь вы и предложите свои услуги. Согласны?

– Вполне.

– Вот вам рекомендации. – Он протянул мне конверт. – От моей двоюродной сестры из Корнуолла, она держит пару охотничьих лошадей. Я договорился с ней, что, если Инскип станет наводить о вас справки, она аттестует вас наилучшим образом. Поначалу ваша репутация не должна вызывать сомнений, иначе Инскип просто не возьмет вас.

– Понимаю, – сказал я.

– Инскип попросит у вас страховую карточку и форму для уплаты подоходного налога – обычно эти бумаги человек приносит с последнего места работы. Вот они. – Он передал мне бумаги.

– Понятно, – сказал я. Да, чистая работа, впечатляющая. – Я хотел бы выяснить насчет допинга. Вы говорили, что анализы ничего не показали, но я хочу узнать обо всем поподробнее. Почему вы уверены, что допинг вообще применялся?

Октобер взглянул на Мэклсфилда, и тот заговорил неторопливым, скрипучим голосом пожилого человека:

– Когда у лошади после финиша изо рта идет пена, глаза вылезают из орбит и она вся в мыле, у вас, естественно, возникает подозрение, что ей ввели какое-то возбуждающее средство. Любителей давать лошадям допинг обычно губит доза, потому что очень трудно определить, сколько именно вещества нужно ввести, чтобы лошадь пришла к финишу первой, не вызвав ничьих подозрений. Если бы вы видели лошадей, у которых мы брали анализы, вы бы поклялись, что им всадили огромную дозу. Но результаты анализов были отрицательными.

– А что говорят фармакологи? – спросил я.

– Они утверждают, что допинга, который нельзя распознать, в природе не существует, – ответил Бекетт.

– Как насчет адреналина? – поинтересовался я.

Стюарды переглянулись, и слово взял Бекетт:

– Почти у всех этих лошадей оказалось довольно высокое содержание адреналина, но по результатам одного анализа нельзя сказать, нормально ли такое содержание для данной лошади или нет. Лошади вообще сильно отличаются друг от друга по количеству вырабатываемого адреналина, и, чтобы определить нормальный выход адреналина для конкретной лошади, ее нужно много раз подвергнуть анализам до и после скачек, а также на разных стадиях подготовки. И лишь когда нормальный уровень известен, можно судить о том, превышена эта норма или нет. Что до практической стороны... Вы, наверное, знаете, что через рот адреналин не вводят.

Его впрыскивают, и он начинает действовать мгновенно. Перед стартовыми воротами все эти лошади были абсолютно спокойны. Если лошади ввести адреналин, она проявляет признаки нервозности и возбуждения еще перед стартом. Кроме того, можно внешне определить, что лошади под кожу ввели адреналин, – вокруг места укола волосы у лошади стоят дыбом, и все становится ясно. И лишь если укол сделан точно в яремную вену, тут ничего не докажешь, но сделать такой укол очень сложно, и я уверен, что к нашим случаям он отношения не имеет.

– Специалисты из лаборатории, – вступил в разговор Октобер, – посоветовали нам подумать: а не применялся ли здесь механический раздражитель? Таких способов масса, вам, я думаю, они известны. Например, электрический шок. Жокеи оснащают седла или хлысты скрытыми от глаз батарейками, во время скачки они, чтобы прийти к финишу первыми, подгоняют лошадей токовыми импульсами. Пот лошади – прекрасный проводник. На этот счет мы провели самую тщательную проверку и пришли к выводу, что ни один из жокеев, скакавших на этих лошадях, запрещенным оборудованием не пользовался.

– Мы свели воедино все данные, результаты лабораторных проверок, массу газетных вырезок и вообще все, что может оказаться хоть как-то полезным, – сказал Мэкклсфилд, указывая на три картотечных ящика, стоявших на столе у моего локтя.

– На знакомство с этим материалом и на осмысление его у вас четыре дня, – добавил Октобер, чуть улыбаясь. – Эти дни вы будете жить здесь, комната для вас готова, мой слуга сделает все, что вам будет нужно. К сожалению, я не смогу составить вам компанию – сегодня уезжаю в Йоркшир.

Бекетт взглянул на часы и медленно поднялся.

– Мне пора, Эдвард. – Он окинул меня взглядом, живым и озорным, так не вязавшимся с его болезненным видом. – Вы справитесь. Только надо, чтобы раз-два – и в дамки, ладно? Время работает против нас.

Октябрь, как мне показалось, вздохнул с облегчением. Мэксфилд еще раз пожал мне руку и проскрежетал:

– С вашим появлением наш план вдруг приобрел реальные очертания... Что ж, мистер Рок, от всей души желаю вам успеха.

Октябрь проводил их до парадной двери, потом вернулся и, стоя на другом конце пурпурной комнаты, окинул меня долгим взглядом:

– Все хорошо, мистер Рок, они от вас в восторге.

Наверху, в роскошной, устланной темно-зеленым ковром гостевой спальне с медной кроватью, где мне предстояло прожить следующие четыре дня, я обнаружил, что слуга уже распаковал мои пожитки и аккуратно разложил их по полкам массивного платяного шкафа. На полу рядом с моим брезентовым, отделанным кожей саквояжем стоял дешевый фибровый чемодан с проржавевшими замками. Я с удивлением раскрыл его. Сверху лежал большой запечатанный конверт с моим именем. Я надорвал его и увидел, что он набит пятифунтовыми бумажками. Их было сорок, внутри также лежала записка: «Для благотворительных целей». Я расхохотался.

В чемодане было все необходимое: от нижнего белья до мыла и зубной щетки, от ездовых сапог до плаща, от джинсов до пижамы.

Из выреза черной кожаной куртки торчала еще одна записка от Октября.

«Вместе с вашими баками эта куртка довершит картину. Люди сразу поймут, что вы за тип. Черная куртка и баки – это униформа всех темных личностей. Желаю удачи».

Я осмотрел ездовые сапоги. Они были здорово поношенные, давно не чищенные, но пришлись в самый раз. Я снял их и надел черные туфли, до одури остроносые. Черт знает что, а не туфли, но и они оказались впору. Похожу в них, пусть привыкнут ноги и глаза.

Когда Октябрь уехал в Йоркшир, я принес в комнату три картотечных ящичка. Сейчас они стояли на низком столике, и, чувствуя, что пришло время браться за работу, я уселся в маленькое кресло, подвинул к себе один из них и начал читать.

Я ничего не пропускал, вчитывался в каждое слово, поэтому на прочтение всего материала у меня ушло ровно два дня. И в конце второго дня я сидел, уставившись в ковер, без единой светлой мысли в голове. Я познакомился с протоколами допросов, напечатанными на машинке или записанными от руки, которым стюарды подвергли тренеров, жокеев, старших сопровождающих конюхов, рядовых конюхов, кузнецов и ветеринарных врачей, имевших отношение к одиннадцати якобы «испорченным» лошадям. Я прочитал подробный отчет частных детективов, которые опросили не один десяток конюхов в «местах отдыха» и не узнали ничего. Документ, представленный одним букмекером, детально анализировал распределение выигрышей в результате ставок, сделанных на этих лошадях, однако резюме гласило следующее: «Мы не выявили какого-либо человека или какой-либо синдикат, получавший прибыль от всех названных лошадей, поэтому можно сделать вывод, что, если такой человек или такой синдикат существует, ставки делались через тотализатор». Позднее я наткнулся на письмо из компании, владеющей скаковым тотализатором; в нем говорилось, что ни один из клиентов не ставил на всех указанных лошадей, но компания, разумеется, не проверяла ставки, которые делаются наличными непосредственно в месте скачек.

Во втором ящике содержалось одиннадцать отчетов о результатах лабораторных анализов мочи и слюны. Первый отчет относился к лошади по кличке Уголь и был сделан полтора года назад. В последнем отчете приводились результаты анализов лошади Редьярд, их брали совсем недавно, в сентябре, то есть когда Октобер находился в Австралии.

В конце всех одиннадцати отчетов чья-то аккуратная рука вывела одни и те же слова: «Результат отрицательный».

Журналистам пришлось изрядно поломать голову, чтобы впоследствии избежать обвинений в клевете. В вырезках из ежедневных газет, которыми был заполнен третий ящик, попадались такие перлы: «Уголь совершенно неестественно бил

копытом»; «Даже во время расседлания Редьярд никак не мог прийти в себя после одержанной победы».

Об Угле и трех последующих лошадях вырезок было мало, но начиная с пятого случая кому-то, видимо, вменили в обязанность собирать весь газетный материал по этому поводу. О последних семи случаях имелись вырезки из нескольких ежедневных, вечерних, местных и спортивных газет.

В конце третьего ящичка лежал средних размеров плотный конверт. На нем я прочитал: «Получено от спортивного редактора газеты „Дейли скоуп“ 10 июня». Это, как я понял, были вырезки, собранные Стэплтоном, погибшим журналистом, и я открыл конверт с надеждой и любопытством. Я очень надеялся найти там хоть какой-то ключ к разгадке, но, к моему величайшему разочарованию, все вырезки, за исключением трех, были дубликатами уже прочитанных мной.

Из этих трех в одной речь шла о женщине – владелице Угля, в другой – о лошади (не входящей в число одиннадцати), которая взбесилась и убила женщину 3 июня перед началом скачек в Картмеле, графство Ланкшир; третья вырезка представляла собой длинную статью из еженедельника «Конный спорт», в которой обсуждались знаменитые случаи введения допинга, как их удалось раскрыть и какое наказание понесли виновные. Я прочитал вырезки с большим вниманием, но ничего ценного из них не вынес.

После этой на редкость неплодотворной работы я весь следующий день посвятил отдыху. Бродил по Лондону, с головокружительным чувством свободы вдыхал запахи этого города, часто спрашивал дорогу и прислушивался к отвечающим мне голосам.

Сделал одну покупку – пояс для хранения денег. Он был из плотной брезентовой ткани, с карманами на молниях и совсем не выделялся под рубашкой. Я положил в него двести фунтов: эти деньги будут всегда со мной, где бы я ни оказался, – может, когда-то пригодятся.

Вечером, как следует отдохнув, я попробовал подойти к проблеме допинга с другой стороны, выяснить, а не имеют ли эти лошади между собой что-нибудь общее?

Оказалось, что нет. Всех их готовили разные тренеры. Все они принадлежали разным хозяевам. В знаменательный для них день на них скакали разные жокеи. Единственная общая для этих лошадей черта заключалась в том, что между ними не было ничего общего.

Я вздохнул и пошел спать.

На четвертое утро Теренс, слуга, с которым у меня установились сдержанно-дружеские отношения, разбудил меня, войдя в комнату с завтраком на подносе.

– Приговоренный к смерти позавтракал с аппетитом, – произнес он и приподнял серебряную крышку, под которой оказалась вкусно пахнувшая яичница с беконом.

– Как вас прикажете понимать? – спросил я, сладко зевая.

– Не знаю, сэр, что задумали вы и его светлость, но там, куда вы едете, вам придется привыкать к новой жизни. К примеру, ваш костюм и вот эта одежонка куплены в разных магазинах.

Он взял фибровый чемодан, положил его на стул и открыл замки. Осторожно, словно дорогой шелк, он разложил на кресле дешевые трусы, простую рубашку в клетку, горчичного цвета пуловер в рубчик, иссиня-черные брюки-дудочки и черные носки. Потом с отвращением достал черную кожаную куртку и повесил ее на спинку кресла, а рядом аккуратно поставил остроносые туфли.

– Его светлость велел мне проследить, чтобы вы оставили здесь все, с чем приехали, а с собой взяли только это, – с сожалением сказал он.

Я позавтракал, принял душ, побрился и с головы до ног оделся во все новое. Завершала туалет черная куртка, которую я наглухо застегнул до самого верха. Волосы, аккуратно причесанные назад, я сбил вперед, и черные завитки стали падать на лоб.

Вернувшийся за пустым подносом Теренс застал меня возле большого, в полный рост, зеркала. Обычно при его появлении я улыбался, теперь же, медленно повернувшись на каблуках, я встретил его жестким, с прищуром взглядом.

– Боже правый! – в ужасе воскликнул он.

– Отлично, – со смехом сказал я. – Значит, особого доверия я не внушаю?

– Никакого, клянусь этим шкафом.

– Ну а еще что обо мне можно сказать? На работу вы меня взяли бы?

– Для начала я не пустил бы вас через парадную дверь. В лучшем случае, через черный ход. Прежде чем взять вас, я бы как следует проверил ваши рекомендации. А скорее всего, не взял бы вообще, разве что работник требовался бы позарез. Я бы сказал, что вы – человек ненадежный... и немного... даже опасный.

Я расстегнул молнию на куртке, и под ней показались клетчатая рубашка и горчичный джемпер. Вид у меня стал слегка расхлябанный.

– Ну а теперь? – спросил я.

Он задумчиво наклонил голову.

– Да, сейчас я бы вас взял. Сейчас вид у вас почти обыкновенный. Человек-то вы все равно не очень честный, но справиться с таким можно.

– Спасибо, Теренс. Кажется, это как раз то, что надо. Обыкновенный, но бесчестный. – Я довольно улыбнулся. – Что ж, наверное, мне пора.

Я с интересом отметил про себя, что впервые за четыре дня он перестал вставлять в каждую фразу автоматическое «сэр», а когда я подхватил дешевый чемодан, он даже не попытался забрать его у меня, как забрал саквояж по приезде.

У выхода на улицу мы попрощались, я поблагодарил его за помощь и протянул ему пятифунтовую бумажку, одну из тех, что

получил от Октобера. Он с улыбкой взял деньги и продолжал смотреть на меня, привыкая к моему новому облику.

Я дружески улыбнулся на прощание:

– До свидания, Теренс.

– До свидания и спасибо... сэр, – сказал он. С легким чувством на душе я пошел прочь.

Следующее подтверждение тому, что мой общественный статус с новой одеждой резко изменился, пришло от водителя такси, которое я остановил тут же на площади. Он не хотел везти меня на вокзал Кингс-Кросс и согласился, лишь когда я показал ему, что денег на проезд у меня хватит. Я сел на дневной поезд до Харрогита и перехватил несколько неодобрительных взглядов сидевшего напротив пожилого чопорного джентльмена с обтрепанными манжетами. «Что ж, все идет хорошо, – думал я, глядя сквозь мелкий дождь на проносившиеся за окном осенние пригороды. – Раз люди на меня косятся, значит вид у меня и вправду подозрительный. Есть чему радоваться», – посмеялся я про себя.

В Харрогите я пересел на пригородный автобус и доехал до небольшой деревушки Слоу, потом спросил дорогу и прошел еще километра три пешком. До поместья Октобера я добрался около шести часов – самое подходящее время для человека, пришедшего наниматься на работу в конюшню.

Они, конечно, уже работали с высунутыми языками. Я спросил старшего конюха, и тот сразу повел меня к Инскипу, совершавшему вечерний обход.

Инскип оглядел меня и поджал губы. Это был вспыльчивый, нестарый еще человек в очках, с редкими светлыми волосами и слабо очерченным ртом.

– Рекомендации? – По контрасту голос у него был резкий и властный.

Я достал из кармана письмо от кузины Октобера из Корнуолла и протянул ему. Он распечатал письмо, прочитал и положил в карман.

– Значит, со скаковыми лошадьми ты не работал?

– Нет.

– Когда можешь приступить к работе?

– Хоть сейчас. – Я показал на чемодан.

– У нас сейчас как раз не хватает конюха. Ладно, попробуем. Уолли, устрой ему койку у миссис Олнат, и пусть с утра начинает работать. Получать будешь как все, – добавил он, обращаясь ко мне. – Одиннадцать фунтов в неделю, три из них идет миссис Олнат за содержание. Все ясно?

– Ясно, – ответил я и был принят.

Глава 3

Я вошел в жизнь конюшни осторожно и с оглядкой, словно еретик, попавший на небеса, мечтая только об одном – слиться со всеми, стать частью пейзажа, прежде чем меня разоблачат и выгонят вон.

Старший конюх Уолли, коренастый жилистый человек с кривыми зубами, сказал, что спать я буду в коттедже возле конюшенных ворот – там живут все холостяки, человек десять. Мы поднялись на второй этаж и вошли в небольшую, сильно заставленную комнату: шесть кроватей, платяной шкаф, два комода и четыре стула около кроватей, в центре комнаты оставалось не больше двух квадратных метров свободного места. На окнах висели тонкие, с цветочным орнаментом занавески, пол был покрыт блестящим линолеумом.

Моя кровать здорово провисла в середине, все же она казалась вполне удобной и была застелена свежими белыми простынями и серыми одеялами. Миссис Олнат, впусившая меня безо всяких расспросов, оказалась добродушной толстушкой, волосы ее были закручены в сложный крендель. Коттедж она содержала в абсолютной чистоте и следила, чтобы конюхи как следует умывались. Она хорошо готовила, пища была простая, но сытная. Короче, жить было можно.

В первые дни я несколько раз ловил себя на том, что по рассеянности собирался подсказать кому-то из конюхов, что нужно делать: девятилетняя привычка так просто не забывается. Меня сильно поразило, пожалуй, даже испугало раболепие, с каким все конюхи заискивали перед Инскипом, по крайней мере в его присутствии. У меня с моими людьми отношения были куда фамильярнее. Я считал, что плачу им за работу и не имею перед ними никаких преимуществ как перед людьми, так считали и они. А здесь, у Инскипа, да и, как я выяснил позже, во всей Англии, свойственное австралийцам стремление к равенству фактически отсутствовало. Казалось, конюхов вполне устраивает, что в глазах

всего мира по отношению к Инскипу и Октоберу они являются людьми второго сорта. Мне это казалось невероятным, недостойным и постыдным. Но свои мысли я держал при себе.

С другой стороны, именно потому, что в Австралии я работал и общался со своими людьми почти на равных, я довольно легко растворился среди конюхов Инскипа. Я не чувствовал никакой отчужденности с их стороны, никакого стеснения со своей.

Инскип приставил меня к трем новым лошадям, и это был совсем не лучший вариант, потому что с ними я не скоро попаду на скачки. Во-первых, на скачки они не записаны; во-вторых, просто к ним не готовы, на их тренировку уйдут недели, и это в лучшем случае. Я носил лошадям сено, таскал воду, чистил денники, скакал на них во время утренней поездки, а сам все думал, как бы развязать себе руки.

В мой второй вечер около шести часов с гостями появился Октобер. Инскип, зная о визите, заставил всех как следует побегать, чтобы не ударить лицом в грязь, и лично проверил, все ли в порядке.

Каждый конюх стоял возле той из своих лошадей, чей денник был ближе к началу конюшни. В сопровождении Инскипа и Уолли Октобер и его друзья шли от одного денника к другому, перебрасывались шутками, посмеивались, обсуждали лошадей.

Когда они подошли ко мне, Октобер быстро взглянул на меня и спросил:

– Новенький?

– Да, ваша светлость.

Казалось, он тут же забыл обо мне, но, когда я запер на ночь первую лошадь и ждал возле денника второй, Октобер подошел к ней, похлопал по холке и пощупал ноги. Потом выпрямился и подмигнул мне, как последний шалопай. Я стоял лицом к людям и с трудом сумел сохранить кислую мину. Он, чтобы не засмеяться, достал платок и громко высморкался.

Прямо сцена из комедии «плаща и шпаги». Только мы оба – дилетанты.

Когда гости ушли, я, поужинав, отправился вместе с двумя конюхами в Слоу, посидеть в баре. После первой кружки пива я поднялся и пошел звонить Октоберу.

– Кто говорит? – спросил мужской голос.

После секундного замешательства я сказал:

– Перлума. – Этого, конечно, будет достаточно. Через минуту он взял трубку.

– Что-нибудь случилось?

– Нет, – ответил я. – На местной телефонной станции нас могут подслушать?

– Наверняка сказать трудно. – Он помолчал. – Откуда вы звоните?

– Из телефонной будки в Слоу, на вашем конце деревни.

Он задумался:

– Вы можете сказать, что вам нужно?

– Могу, – ответил я. – Справочники за последние семь или восемь сезонов и любую возможную информацию по нашим одиннадцати... подопечным.

– Что-нибудь еще?

– Да, но это не по телефону.

Он помолчал.

– За конюшной есть ручей, он стекает с холма. Будьте около него завтра после обеда.

– Хорошо.

Я повесил трубку, вернулся в бар и снова занялся пивом.

– Что-то долго тебя не было, – сказал Пэдди, один из конюхов. – Будешь догонять – мы уж вторую опрокинули. Чего ты делал-то? Надписи в сортире читал, что ли?

– В сортире есть чего почитать, – заметил второй конюх, простоватый деревенский малый лет восемнадцати. – Я даже там много и не понял.

– Вот и хорошо, что не понял, – одобрительно отозвался Пэдди. В свои сорок он вел себя с молодыми конюхами по-отечески.

Пэдди и Гритс спали на соседних со мной койках. Гритс – настоящий телок, Пэдди же – быстрый, крепко сбитый ирландец, из тех, что все видят и все примечают. Я понял это с первой же минуты, когда водрузил на кровать чемодан и начал доставать из него свои вещи, спиной чувствуя бдительный взгляд Пэдди. Хорошо, что Октобер настоял на полной смене моего туалета.

– Скукота тут сегодня, – уныло протянул Гритс. Но тут же расплылся в улыбке. – Зато завтра получка.

– Да, завтра тут будет народу битком, – согласился Пэдди. – Притащится Супи и вся грейнджеровская компания.

– Грейнджеровская? – переспросил я.

– Ты что, с луны свалился? – с легким презрением спросил Гритс. – Конюшня Грейнджера на той стороне холма.

На следующий день после обеда я неторопливо вышел из конюшни и направился к ручью, подбирая по дороге камешки и бросая их в воду, будто ради развлечения. Несколько конюхов гоняли позади конюшни в футбол, но на меня никто не обратил внимания. Я шел довольно долго, и наконец на холме, где ручей круто падал вниз в заросшую травой балку, я наткнулся на Октобера, который сидел на валуне и курил. С ним была черная охотничья собака. Рядом лежало ружье и полный ягдташ.

– Доктор Ливингстон, если не ошибаюсь^[1], – с улыбкой приветствовал он меня.

– Вы правы, мистер Стэнли. Как вы догадались? – Я уселся на валун рядом с ним.

– Здесь справочники. – Он пнул ногой ягдташ. – И записная книжка. В ней все, что мы с Бекеттом смогли накопать насчет одиннадцати лошадей за такой короткий срок. Но материалы в ящичках, наверное, и так достаточно подробны, вряд ли мы добавили к ним что-то новое.

– Пригодиться может все, – возразил я. – В конверте Стэплтона я наткнулся на одну интересную вырезку – статью о нашумевших случаях с допингом. Оказывается, у некоторых лошадей вполне

безвредная пища при проверке на допинг дает положительную реакцию за счет каких-то химических изменений в организме. Я подумал, а не может ли все происходить наоборот? Ну, то есть что некоторые лошади способны превращать допинг в безвредные вещества и анализы ничего не показывают?

– Я это узнаю.

– И еще, – добавил я. – Меня приставили к трем никудышным жеребцам, присланным вами, а это значит – ездить на скачки я не буду. Может, вам одного из них снова продать, тогда я на торгах потеряю бы среди конюхов из других конюшен... Лишним я все равно не буду, зато могу получить лошадь, записанную на скачки.

– Одного продам, – согласился он. – Но продажа через аукцион – дело долгое. Заявка на продажу поступает к аукционисту минимум за месяц до торгов.

– Да, все это как-то неудачно, – кивнул я. – Хорошо, если бы меня приставили к лошади, которая должна скоро выступить на скачках. И желательно где-нибудь подальше – остановка на ночь была бы идеальным вариантом.

– В середине сезона конюхи обычно лошадей не меняют, – произнес он, потирая подбородок.

– Знаю. Тут уж кому повезет. Приставили тебя к новой лошади – и все, она твоя, пока не перепродадут. И если от нее никакого толку, тут уж ничего не попишешь.

Мы встали. Я поднял ягдташ и закинул его за плечо. Когда мы пожали друг другу руки, Октябрь с улыбкой сказал:

– Знаете, что сказал о вас Инскип? Что для конюха вы здорово держитесь в седле. И еще, слово в слово: «Не очень я верю людям с такими глазами, но у этого малого золотые руки». Так что будьте поосторожнее.

– Черт возьми, – вырвалось у меня. – Я об этом не подумал.

Он усмехнулся и пошел вверх по холму, а я – назад, вдоль ручья. «Да, – с грустью подумал я, – носить волчью шкуру – это, конечно,

забавно и щекочет нервы, но строить из себя при этом неуклюжего наездника... Боюсь, мое самолюбие будет страдать».

Вечером один из конюхов подвез меня на машине в Слоу. В баре было шумно и многолюдно – конюхи прожигали жизнь. Здесь собралось почти полконюшни Октобера, а также конюхи Грейнджера да еще три девицы, которые строили всем глазки и получали от этого удовольствие. Разговаривали все больше о лошадях – конюхи подтрунивали друг над другом, нахваливали своих подопечных.

Гул в баре то стихал, то усиливался, а воздух все густел от табачного дыма, от выдыхаемого тепла – слишком много человек скопилось в этом небольшом помещении. В одном углу вовсю шла игра в стрелки – я сразу увидел, что кидают плохо, – в другом парни резались в бильярд. Я сидел, покачиваясь на жестком стуле, закинув руку за спинку, и наблюдал, как Пэдди и кто-то из конюхов Грейнджера лихо стучат костями домино. В воздухе плавали обрывки разговоров о лошадях, машинах, футболе, боксе, кино, последних танцуйках и снова о лошадях, снова и снова о лошадях. Я внимательно прислушивался к этому трепу, но ничего полезного не извлек. Понял только, что люди эти в основном довольны жизнью, просты и добродушны, наблюдательны и безвредны.

– Никак новенький? – услышал я прямо у себя над ухом чей-то голос.

Я повернул голову.

– Угу, – не спеша ответил я.

Это был первый человек в Йоркшире, в глазах которого я без труда распознал порок – цель моих поисков. Я выдержал его взгляд, и он удовлетворенно скривил губы – признал во мне своего.

– Как тебя зовут?

– Дэн, – ответил я. – А тебя?

– Томас Натаниел Тарлтон. – Он ждал от меня какой-то реакции, но какой именно?

– ТНТ^[2], – любезно подсказал Пэдди, оторвавшись от домино. – Он же Супи. – Он окинул нас обоим быстрым взглядом.

– Его взрывоопасное величество, – пробормотал я.

Супи Тарлтон сощурился в отработанной пугающей улыбочке – знай, мол, с кем дело имеешь. Он был примерно моих лет, моей комплекции, но гораздо светлее меня, а кожа лица – красноватая, как у многих в Англии. Светлые с поволокой глаза чуть выступали из глазниц, над полногубым влажным ртом красовались тоненькие усики. На правом мизинце я увидел массивное золотое кольцо, на левой кисти – дорогие часы. На нем был костюм из добротного материала, а на руке висела шикарная куртка с меховой подстежкой, которая стоила никак не меньше его трехнедельного заработка.

Набиваться ко мне в друзья он не стал. Внимательно оглядев меня (как и я его), он просто кивнул, бросил: «Увидимся» – и пошел смотреть, как играют в бильярд.

Гритс принес полпинты пива и уселся на скамью рядом с Пэдди.

– От Супи лучше держись подальше, – доверительно сообщил он мне. На его глуповатом скуластом лице читалась искренняя доброта.

Пэдди отдуплился и, повернувшись в нашу сторону, окинул меня долгим неулыбчивым взглядом.

– О Дэне можешь не беспокоиться, Гритс, – сказал он. – Ему Супи бояться нечего. Им в самый раз скакать в одной упряжке. Одного поля ягоды – вот они кто.

– Но ты сам велел мне держаться подальше от Супи, – возразил Гритс, переводя встревоженный взгляд с меня на Пэдди.

– Это точно, – безразлично согласился Пэдди, поставил три-четыре и снова сосредоточился на игре.

Гритс подвинулся чуть ближе к Пэдди и посмотрел на меня как-то озадаченно, смущенно. А потом вдруг занялся изучением своей пивной кружки и уже не поднимал от нее глаз, чтобы не встретиться с моими.

Пожалуй, именно в эту минуту затеянная Октобером игра начала терять для меня свою легкость и привлекательность. Пэдди и Гритс мне нравились: первые три дня я жил с ними душа в душу. Я не был готов к тому, что Пэдди сразу поймет – мне нужен именно Супи, что,

поняв это, он сразу от меня отстранится. Меня словно стукнули пыльным мешком из-за угла. Я, конечно, должен был такое предвидеть, но... это застало меня врасплох.

«Штаб» полковника Бекетта работал выше всяких похвал. При переходе в наступление всегда нужно иметь мощные и доступные резервы, и кому, как не полковнику, об этом знать. Короче говоря, как только он услышал, что я вынужден толочь воду в ступе, плененный тремя никчемными жеребцами, он взялся за мое освобождение.

Во вторник днем, когда я прожил в конюшне уже неделю, меня остановил старший конюх Уолли. Я нес через двор два ведра с водой.

– Завтра отправляем твоего жеребца из семнадцатого, – сказал он. – Утром сделай все как следует, потому что с ним в полпервого поедешь ты. Фургон свезет вас в другую скаковую конюшню, около Ноттингема. Там эту лошадь оставишь, а взамен привезешь новую. Ясно?

– Ясно, – ответил я. Уолли держался со мной довольно холодно. За выходные я уже смирился с тем, что должен сеять вокруг себя легкое недоверие, хотя успех на этом поприще перестал приносить мне радость.

Большую часть воскресенья я просидел за справочниками – для обитателей коттеджа это было вполне естественным. А вечером, когда все ушли в бар, я как следует поработал с карандашом в руках, делая выкладки по одиннадцати лошадям и их победам, одержанным с помощью таинственного средства. Из газетных вырезок, которые я изучил в Лондоне, следовало, что у всех лошадей были разные владельцы, тренеры и жокеи, – сейчас это подтвердилось. Не подтвердилось, однако, другое предположение – что между этими лошадьми не было ничего общего. Когда я наконец запечатал листки с моими расчетами в конверт и вместе с записной книжкой Октобера сунул его в ягдташ под справочники – подальше от любопытных глаз разомлевших от пива конюхов, – в моем

распоряжении оказались четыре общие черты, правда ничего мне не дающие.

Во-первых, все одиннадцать лошадей победили в «облегченных» стипль-чезах – это заезды, победитель которых сразу же продается с аукциона. В трех случаях лошадей купили их же владельцы, остальные были проданы за относительно скромные суммы.

Во-вторых, все эти лошади считались хорошими средними скакунами, однако выложиться на финише не могли – не хватало либо сил, либо резвости.

В-третьих, за исключением заезда, когда к ним применили допинг, они никогда не приходили первыми, хотя призовые места иногда занимали.

В-четвертых, денежный выигрыш в результате их победы составлял как минимум десять к одному.

Из книжки Октобера и из справочников я узнал, что некоторые лошади переходили из рук в руки несколько раз, но тут удивляться было нечему: мало кто хотел держать у себя бесперспективных середнячков. Я также располагал бесполезной информацией о том, что все лошади имели разную родословную, находились в возрасте от пяти до одиннадцати лет и отличались друг от друга по масти. Не было общим и место победных заездов, хотя здесь имелись кое-какие совпадения. Этих ипподромов оказалось всего пять: в Келсо, Хейдоке, Седжфилде, Стаффорде и Ладлоу, и у меня создалось смутное впечатление, что все они расположены где-то на севере страны. Я решил проверить это по карте.

Я пошел спать. В нашей тесной комнатенке стойкий запах пива перешибал дежурные запахи обувного крема и масла для волос. Я хотел было открыть форточку, но на меня зашипели. Видимо, все парни шли на поводу у Пэдди, безусловно самого толкового из них, и если он почуял во мне чужого, я буду чужаком и для всех. Наверное, попроси я захлопнуть форточку, они бы распахнули ее настежь – дыши сколько влезет. С горьковатой улыбкой я лежал в темноте и слушал, как поскрипывают пружины, как парни лениво

треплются перед сном, перемалывая события прошедшего дня. Немножко поворочался, устраиваясь поудобнее на шишковатом матрасе. Теперь я буду хорошо знать, какой в действительности жизнью живут мои конюхи там, в Австралии.

В среду утром я впервые испытал, что это за прелесть – жгучий йоркширский ветерок. Утром во дворе меня всего трясло от холода, даже потекло из носа, и один из конюхов, пробегая мимо, весело успокоил меня – этот ветрище, если захочет, может дуть шесть месяцев не переставая. Я в темпе провел утреннюю работу со своими лошаденками, завел одну из них в фургон, и в половине первого мы выехали из конюшни.

Мы отъехали от конюшни километров шесть, и я нажал кнопку звонка, который есть почти во всех таких фургонах для связи между кузовным отделением и кабиной. Водитель послушно остановил машину и вопросительно уставился на меня, когда я, обойдя фургон, залез в кабину и уселся рядом с ним.

– Лошадка не буйнит, – пояснил я, – а здесь у тебя теплее.

Он ухмыльнулся, включил зажигание и прокричал сквозь шум двигателя:

– Я так сразу и понял, что ты – малый не особо сознательный! Лошадь-то мы везем для продажи, должны доставить ее в лучшем виде!.. Если хозяин узнает, что ты ехал со мной, его хватит удар!

Вот уж нет. Хозяин, то есть Инскип, ничуть бы не удивился. Насчет хозяев я могу судить по собственному опыту – не такой уж это наивный народ.

– Хозяин... – с отвращением протянул я. – Пусть застрелится.

Он искоса взглянул на меня. Оказывается, это очень просто – изобразить из себя дрянного, мерзкого типа, стоит только захотеть. Водители фургонов на скачках всегда собираются вместе, никакой работы у них там нет. Зато есть время посплетничать в столовой; вообще они целый день слоняются без дела и точат лясы. Поэтому слушок о том, что у Инскипа завелся подозрительный конюх, может разлететься во все стороны очень быстро.

Мы остановились перекусить в придорожном кафе, а потом еще раз возле магазинчика, по моей просьбе. Я купил две шерстяные рубашки, черный свитер, толстые носки, шерстяные перчатки и вязаную шапочку с козырьком – такие были почти на всех конюхах в это холоднящее утро. Водитель тоже зашел в магазин купить себе пару носков и, глядя на мои покупки, заметил, что у меня, видать, денег куры не клюют. Я хитро подмигнул ему – надо уметь жить, приятель. По глазам я понял, что его сомнения на мой счет увеличились.

Ближе к вечеру мы въехали в ворота скаковой конюшни в Лестершире. Тут я по-настоящему смог оценить качество проделанной Бекеттом работы. Я должен был везти обратно прекрасного скакуна, только начинавшего свою карьеру. Он был продан полковнику Бекетту со всеми поданными заявками. А это значило, сказал его бывший конюх (он расставался с жеребцом, словно с родным сыном), что он может участвовать во всех скачках, на которые его записал бывший владелец.

– А на какие скачки он записан? – поинтересовался я.

– Много куда, точно не помню. Ньюбери, Челтенхем, Сандаун, еще куда-то, а первый его заезд – на той неделе в Бристолле. – Он с сожалением передал мне недоуздок. – Ума не приложу, чего это вдруг наш Старик надумал отдавать такого красавца... Смотри, если на скачках увижу, что плохо за ним ходишь, всю душу из тебя вытрясу, попомни мое слово.

– Как его зовут? – спросил я.

– Искрометный... Искрочка ты моя... Искриночка... ну, прощай, дружище... – Он любовно погладил лошадь по носу.

Мы погрузили ее в фургон, и на сей раз я своего поста не оставил, ехал вместе с лошадью. Раз уж Бекетт не поспешил ради общего дела – чтобы купить эту прекрасную лошадь в такой короткий срок, ему, наверное, пришлось раскошелиться, – я вложу в нее все свое умение.

Перед выездом я успел взглянуть на карту в кабине водителя и, к своему удовольствию, обнаружил, что ипподромы помечены на ней тушью. Я взял карту и всю обратную дорогу изучал ее. Большинство ипподромов, где, по словам конюха, должен был выступать Искрометный, находились в южной части Англии. Значит, как я и просил, по дороге придется останавливаться на ночь. Ай да Бекетт!

Выяснил я и насчет пяти ипподромов, на которых победили наши одиннадцать лошадей. Я ошибся, когда думал, что все они находятся где-то на севере, – с точки зрения географии между ними не было ничего общего. Я надеялся, что они расположены по какому-то кругу и я смогу примерно вычислить его центр, но нет, их скорее можно было соединить кривой линией с северо-востока на юго-запад. Короче говоря, никакой системы я здесь не нашел.

В пятницу вечером я сходил в бар и обставил Супи в стрелки. Он неодобрительно хмыкнул и жестом позвал меня к бильярду, где взял легкий реванш. Потом мы выпили по полпинты пива, глядя друг на друга. Мы почти все время молчали – говорить пока было не о чем, и вскоре я вернулся к мишени для стрелок. За неделю класс играющих выше не стал.

– Ты обыграл Супи, да, Дэн? – спросил один из них.

Я кивнул, и кто-то тут же сунул мне в руку горсть стрелок.

– Если ты обыграл Супи, тебя надо брать в команду.

– Что за команда? – спросил я.

– Команда нашей конюшни. Мы разыгрываем с другими конюшнями что-то вроде первенства йоркширской лиги. Иногда мы ездим в Мидлхем, Уэтерби или Ричмонд, иногда они приезжают сюда. Супи – лучший игрок в конюшне Грейнджера. А может, ты ободрал его случайно?

Я бросил подряд три стрелки. Все они легли на кольцо двадцатки. Откуда у меня это – не знаю, но бросаю я всегда точно.

– Все, приятель, ты в команде и не вздумай отказываться.

– А когда следующий матч? – спросил я.

– Пару недель назад мы играли здесь. Теперь – в следующее воскресенье в Берндейле.

Глава 4

На выходные приехали сын и две дочери Октобера, старшая – в ярко-малиновой «ТР4», а близнецы – без излишнего шика – в одной машине с отцом. Все трое, будучи дома, всегда ездили верхом, и Уолли велел мне оседлать двух лошадей (Искрометного – для себя, вторую лошадь – для леди Патриции Таррен) и выехать с первой группой.

Леди Патрицию Таррен я увидел в туманной дымке раннего утра, когда помогал ей сесть в седло. Редкостная красавица с бледно-розовым ртом и густыми, загнутыми кверху ресницами – и хорошо знает, как ими пользоваться. Одета в яркий черно-белый жакет, поверх каштановых волос зеленая косынка.

– Ты новенький, – заявила она, глядя на меня сквозь ресницы. – Как тебя зовут?

– Дэн... мисс, – ответил я. Как обращаться к дочери графа? Понятия не имею.

– Так... Ну, подсади меня.

Я послушно стал рядом, но, когда наклонился помочь ей, она вдруг провела рукой по моим волосам, шее и поймала пальцами мочку правого уха. Острые коготки вонзились в кожу. В глазах я увидел дерзкую усмешку, но не пошевелился и стоял молча. Тогда она хихикнула, отпустила ухо и медленно натянула перчатки. Я подсадил ее в седло, она чуть нагнулась взять поводья, и пушистые ресницы оказались возле моего лица.

– А ты красавчик, крошка Дэнни, – проворковала она. – Какие черные глазки – просто загляденье!

Я совсем растерялся – как реагировать конюху, когда такое ему говорит дочка графа? Она засмеялась, чуть пришпорила лошадь и неторопливо выехала со двора. В двадцати шагах от меня Гритс подсаживал на лошадь ее сестру, и в тусклом свете я увидел, что она

гораздо светлее младшей и почти так же красива. Бедняга Октябрь, помоги ему бог! Ведь за такими красотками нужен глаз да глаз!

Я повернулся идти за Искрометным и увидел перед собой восемнадцатилетнего сына Октобера. Парень сильно походил на отца, но до отцовской солидности и властности ему пока было далеко.

– Не стоит принимать Патрицию слишком всерьез, – сказал он ровным, усталым голосом, оглядывая меня сверху донизу. – Она любит розыгрыши. – Он кивнул и зашагал к своей лошади. Это было похоже на дружеский совет-предупреждение. Если его сестра разыгрывает подобным образом всех мужчин подряд, ему не впервой давать такие советы.

Посмеиваясь про себя, я вывел Искрометного из денника, сел в седло, выехал из ворот конюшни и по тропинке направился к вересковой пустоши. Впереди силуэты лошадей уже огибали холм, в воздухе стоял утренний морозец, и из их ноздрей вырывались белые струйки.

Сам Октябрь вместе с собакой приехал к пустоши прямо на «лендровере» – посмотреть, как работают лошади. Я уже знал, что субботнее утро в конюшне – это самое горячее время, проводятся интенсивные резвые работы, и Октябрь, поскольку конец недели он почти всегда проводил в Йоркшире, взял за правило по субботам присутствовать на тренировках.

Мы поднялись на вершину холма, и Инскип дал команду ездить по кругу, а сам разбил лошадей на пары и стал инструктировать наездников.

Мне он сказал:

– Дэн, галоп на три четверти. В среду у твоей лошади скачки. Не слишком гони ее, но надо посмотреть, на что она способна. – В пару Искрометному он отрядил одного из лучших резвачей конюшни.

Пришел наш черед, и лошади рванулись со старта. Я вырастил, подготовил и объездил бесчисленное множество лошадей у себя, в Австралии, в Англии же я скакал на хорошей лошади впервые, и мне

было интересно сравнить Искрометного с австралийскими скакунами. Он шел длинным, размашистым галопом, без особых усилий держась вровень с именитым соперником, и хотя резвость наша, как и велел Инскип, не превышала трех четвертых максимума, было ясно, что Искрометный в отличной форме и к предстоящему состязанию готов.

Вместе со вторым наездником мы остановились перед Октобером и Инскипом, чтобы они могли оценить состояние лошадей, послушать их дыхание. Ребра Искрометного ходили легко: дыхания он почти не потерял. Двое мужчин одобрительно кивнули, мы соскочили с лошадей и стали водить их по лужайке, давая остыть.

С дальнего конца прямой пара за парой мчались лошади, наконец прошли последние, которых пускали уже не галопом, а кентером. После окончания работ почти все конюхи снова сели верхом, и лошади затрусили обратно к конюшне. Я садиться на Искрометного не стал, вел его в конце цепочки, а прямо передо мной верхом ехала старшая дочь Октобера, так что я даже не мог перекинуться парой слов с другими конюхами.

Когда она проезжала мимо низких кустов утесника, оттуда с криком, громко хлопая крыльями, вылетела птица, и лошадь, взбрыкнув передними ногами, шарахнулась в сторону. Девушку кинуло вправо, и она оказалась почти возле уха лошади, но ей удалось удержаться в седле. От сильного натяжения лопнул стремени ремень, и стремя, звякнув, упало на землю.

Я наклонился и поднял его, но ремешок порвался, и закрепить стремя было нельзя.

– Спасибо, – поблагодарила девушка. – Немножко не повезло.

Она слезла с лошади:

– Ничего не случится, если немного пройду.

Я взял у нее повод, собираясь вести двух лошадей, однако она забрала его обратно.

– Вы очень любезны, – сказала она, – но я вполне управлюсь с ней сама. – Дорожка в этом месте была широкой, и мы пошли рядом.

Вблизи оказалось, что на свою сестру Патрицию она совсем не похожа. Блондинка, волосы гладкие с серебристым отливом, подхвачены голубой косынкой. Светлые ресницы, серые ясные глаза, резко очерченный, улыбающийся рот. И умение держаться изящно, с достоинством. Некоторое время мы просто шли и молчали.

– Какое роскошное утро, – сказала она наконец.

– Роскошное, – согласился я. – Только очень холодное. – Англичане всегда говорят о погоде, и если в ноябре выдался ясный денек, такое событие просто нельзя обойти молчанием. А у нас сейчас дело идет к жаре, к лету...

– Вы в конюшне давно? – спросила она еще через минуту.

– Нет, всего десять дней.

– И как, нравится?

– Да, дело тут поставлено...

– Жаль, что мистер Инскип вас не слышит, – бесстрастно произнесла она.

Я взглянул на нее, но она с легкой улыбкой смотрела вперед вдоль дорожки.

Спустя сотню метров она спросила:

– А на какой лошади вы скакали? Кажется, я ее раньше не видела.

– Ее привезли только в среду... – Я рассказал ей об Искрометном все, что знал: откуда он взялся, какие у него возможности, шансы.

Она кивнула:

– Вы будете довольны, если он выиграет какие-нибудь скачки. Радостно сознавать, что твой труд не пропадает даром.

– Конечно, – согласился я. Странно слышать такие рассуждения от дочки графа.

До конюшни было уже совсем близко.

– Извините, пожалуйста, – мягко произнесла она, – но я не знаю, как вас зовут.

– Дэниел Рок, – ответил я. За последние десять дней мне приходилось отвечать на этот вопрос бог знает сколько раз, но почему-то именно ей мне захотелось представиться полным именем.

– Очень приятно. – Она помолчала («Боится меня смутить», – не без удовольствия подумал я), что-то решила и продолжала ровным, спокойным голосом:

– Лорд Октобер – мой отец. А я Элинор Таррен.

Мы подошли к воротам конюшни. Я шагнул в сторону, пропуская ее вперед, и она приняла этот жест учтивости с дружеской, но ни к чему не обязывающей улыбкой, потом вошла во двор и повела лошадь к деннику. «Чудесная, обаятельная девушка», – вскользь подумал я, принимаясь за работу: отер круп Искрометного от пота, вымыл ему ноги, причесал гриву и хвост, протер губкой глаза и рот, расправил соломенную подстилку, принес сена и воды, затем проделал все то же для лошади, на которой ездила Патриция. Ох, Патриция, ее я чудесной не назвал бы.

Я пошел завтракать в коттедж, и миссис Олнат протянула мне письмо – оно только что пришло. Я посмотрел на штампель – отправлено вчера из Лондона. Внутри лежал лист бумаги с одним предложением, отпечатанным на машинке.

«Мистер Стэнли будет ждать вас у водопада Виктория в воскресенье в три часа дня».

Склонившись над тарелкой с кашей, я рассмеялся и засунул письмо в карман.

На следующий день я отправился в путешествие вдоль ручья. Сильно накрапывало. На сей раз ждать пришлось мне, а дождевые капли все решительнее пробирались за шиворот. Наконец Октобер появился с другой стороны холма, снова в сопровождении собаки.

– Ну, как дела?

Я сказал, что новая лошадь Бекетта – просто чудо и с ней у меня открываются отличные возможности.

Он кивнул.

– Родди Бекетт еще в войну был спецом по снабжению. Он даже прославился – все доставлял аккуратно и в срок. Не было случая, чтобы он послал куда-то не те боеприпасы или сапоги на одну ногу.

– Я заставил кое-кого усомниться в своей честности, – сказал я. – Постараюсь еще больше очернить себя в конце этой недели в Бристолле, а в конце следующей – в Берндейле. У меня меткий глаз, и любители стрелок взяли меня в свою команду.

– В Берндейле, помнится, были какие-то случаи с допингом, – задумчиво произнес он. – Может, и найдете там какую-то зацепку.

– Попробую.

– А справочники что-нибудь вам дали? – спросил он. – Думали вы еще, что связывает эти одиннадцать лошадей?

– Я только об этом и думаю, – заверил его я. – Мне кажется, что есть возможность – не гарантия, конечно, а именно возможность – выловить двенадцатую лошадь, если взять у нее анализы до начала заезда. Если, конечно, исходить из того, что двенадцатая лошадь обязательно появится... Но почему ей не появиться – ведь виновники торжества пока ходят безнаказанными?

Поля шляпы Октобера были загнуты вниз, с них капал дождь. Глаза его загорелись.

– Вы что-то нашли?

– Не совсем. Просто провел статистический анализ. Но, пожалуй, можно биться об заклад, что следующая наша лошадь выиграет облегченный стипль-чез в Келсо, Седжфилде, Ладлоу, Стаффорде или Хейдоке. – Я объяснил, как пришел к этому выводу, и продолжал: – Перед началом всех облегченных стипль-чезов на этих ипподромах у лошадей надо брать слюну на пробу. Такие заезды проводятся не чаще чем раз в два дня... А если колода окажется без «джокера», пробы можно просто выбросить и анализ не проводить.

– Это заказ не из простых, – медленно произнес он. – Но выполнимый, если через него можно добраться до сути.

– Результаты анализов могут дать что-то новое.

– Вы правы. Пусть они даже ничего не дадут, это все равно будет крупным шагом вперед. Мы будем искать этого «джокера», предпринимать какие-то активные действия, а не сидеть с озадаченным видом и ждать, пока он появится. Черт возьми, – он

огорченно покачал головой, – почему мы не додумались до этого сами, еще несколько месяцев назад? Сейчас, когда такой ход предложили вы, он мне кажется совершенно очевидным.

– Еще одно, – продолжал я. – В лаборатории вам сказали, что выявить стимулирующее средство они не могут, и посоветовали подумать, не применялся ли механический раздражитель. Вы говорили, что жокеев вместе со снаряжением подвергли тщательному осмотру. А кожу лошадей? Мне на днях пришло в голову, что стрелкой – знаете, для игры? – я попаду в лошадь в ста случаях из ста. Можно бросить что-нибудь колющее... что жалило бы, как оса... Конечно, лошадь понесется быстрее.

– Насколько я знаю, на теле лошадей никаких следов обнаружено не было, но придется уточнить. Кстати, я узнавал у медиков, возможно ли, чтобы организм лошади перерабатывал наркотическое средство в безвредное вещество, и они категорично ответили «нет».

– Что ж, фронт поисков сужается, и то хорошо.

– Да. – Он свистнул собаку, рыскавшую в дальнем конце балки. – В следующее воскресенье вы будете в Берндейле, но в принципе, давайте возьмем себе за правило встречаться здесь в это время каждое воскресенье и обсуждать, как идут дела. Если в субботу на резвых работах меня нет, свидание отменяется – я уехал. Кстати, вчера даже неопытному глазу было видно, что на Искрометном скачет умелый жокей. По-моему, мы договорились, что производить слишком хорошее впечатление не в ваших интересах. Кроме того, – с легкой улыбкой добавил он, – Инскип говорит, что вы – трудолюбивый и расторопный работник.

– Что за черт... буду впредь осторожней, не то Инскип даст мне слишком хорошую рекомендацию.

– Да уж, пожалуйста, – согласился он. – Ну как, нравится быть конюхом?

– В этой работе есть свои плюсы... У вас замечательные дочери.

Он довольно улыбнулся:

– О да. Спасибо, что помогли Элино́р. Она сказала, что очень благодарна вам.

– Не за что, уверяю вас.

– С Пэтти, правда, не все благополучно, – задумчиво пожаловался он. – Никак не выберет себе занятие по душе. Она знает, что я не одобряю эти ее бесконечные вечеринки, коктейли до утра... Впрочем, что это я докучаю вам своими семейными проблемами?.. До свидания, мистер Рок.

Мы пожали друг другу руки, и он побрел вверх по холму, а я поспешил вниз. Дождь моросил не переставая.

В назначенный день мы с Искрометным отправились в дальнюю поездку – Бристоль лежал в четырехстах километрах к югу. Ипподром находился за чертой города, и, когда мы остановились перекусить на полдороге, водитель фургона сказал мне, что весь конюшенный комплекс там выстроен заново – после пожара.

Просторные денники были чистыми и удобными, но конюхов привело в восторг другое – новые помещения для отдыха и сна, то есть общежитие. Меня оно тоже поразило. Чем именно? Большой холл, две длинные спальные комнаты, в каждой примерно по тридцать кроватей, застеленных чистыми простынями и ворсистыми синими одеялами. Над каждой кроватью – бра, пол выложен виниловой плиткой, под ним – система отопления. Вполне современные душевые в умывальной, и еще одна комната – для сушки мокрого белья.

– Вот это житуха, елки зеленые! – воскликнул какой-то веселый парень, который вошел в спальную комнату следом за мной и бросил свой брезентовый саквояж на свободную кровать.

Тут же раздались другие голоса:

– Да тут не хуже, чем в Ньюбери.

– Запросто.

– А Аскот они переплюнули, точно говорю.

Послышались одобрителные возгласы:

– Кровати тут удобнее, чем в Аскоте, и говорить нечего.

Общежития в Ньюбери и Аскоте, надо полагать, считались самыми комфортабельными во всей стране.

– Можно подумать, что боссы вдруг образумились и вспомнили, что конюхи – тоже люди, – агрессивным, подстрекательским тоном заметил какой-то узколицый малый.

– А у нас с конюхами обращаются терпимо, – вступил я, кладя свои вещи на незанятую кровать.

Главное – не нервничать, держаться естественно, обыкновенно, не выделяться. По сравнению со Слоу я чувствовал себя здесь не в своей тарелке. Там я по крайней мере знал работу от и до и мог потихоньку заводить с парнями нормальные отношения. Но здесь мне на все отведено только два вечера, и, если я хочу как-то продвинуться в своих поисках, нужно направлять разговор в нужную мне сторону.

– Это где же? – спросил весельчак, окидывая меня любопытным взглядом.

– У лорда Октобера.

– А-а, ясно, у Инскипа? Далеко тебя занесло от дома...

– У Инскипа, может, и ничего, – недовольным тоном произнес подстрекатель. – А в других местах что делается? Обращаются с нами, как с половой тряпкой, забывают, что мы тоже хотим жить по-человечески, тоже имеем право радоваться солнцу.

– Точно, – серьезно подтвердил мосластый парень. – Я слышал об одной конюшне – там конюхов буквально морят голодом и бьют, если они не вкалывают до седьмого пота, а вкалывать приходится будь здоров – на каждого конюха по четыре-пять лошадей! А все потому, что больше пяти минут там ни один дурак не остается!

– Где же это такое? – как бы между делом спросил я. – А то вдруг надумаю уходить от Инскипа, надо знать, куда не соваться.

– Это где-то в твоих краях, – с сомнением произнес он.

– Нет, это севернее, в Дареме, – вмешался еще один конюх, худенький симпатичный паренек с мягким пушком на щеках.

– Ты тоже, что ли, об этом месте слышал?

– Слышал, – кивнул он. – Да толку что? Туда ни один нормальный человек не пойдет ни за какие пироги. Настоящая потогонная фабрика, каких уж сто лет нет нигде. Работают там одни отщепенцы, кому в другие конюшни дорога заказана.

– Прекратить надо это безобразие, – воинственным тоном заговорил подстрекатель. – А кто там хозяин?

– Хамбер такой, – ответил симпатичный паренек. – Из него тренер, как из моей задницы гитара... Победителей у него – как волос на башке у Фантомаса... Его старший конюх иногда появляется на скачках, зазывает к себе народ работать, да только все ему от ворот поворот дают.

Все пошли в столовую. Кормили сытно, много и бесплатно. Потом кто-то предложил пойти в бар, но его сразу же затюкали – оказалось, до ближайшего бара топтать больше трех километров, а пиво продавалось прямо здесь, в теплой, уютной столовой.

Завести разговор о допинге не составило труда – казалось, конюхи готовы обсуждать эту тему бесконечно. Если верить их словам, ни один из них – двадцать с лишним человек – никогда не «подкармливал» лошадь, но каждый знал кого-то, кто знал еще кого-то, кто был грешен. Я попивал пиво и с заинтересованным видом прислушивался к их рассказам. Мне и вправду было интересно.

– ...бедняжка только вышла из паддока, а он р-раз на нее кислотой...

– ...напичкал ее снотворным, да так, что она сдохла в деннике на следующее утро...

– ...вколол такую огромную дозу, что лошадь даже первый барьер не взяла: ничего не видела от боли...

– ...за полчаса до заезда дал ей, собака, выпить здоровое ведро воды – уже никакой допинг не нужен, с таким морем в брюхе она и так едва доползет до финиша...

– ...вылил ей в глотку полбутылки виски...

– ...его зацапали с яблоком без сердцевины, а внутри – таблетки...

– ...и тут у него из кармана выпал шприц, а рядом как раз стоял стюард...

– Интересно, все способы уже перепробовали или нет? – спросил я.

– Если что и осталось, только черная магия, – ответил симпатичный паренек.

Все засмеялись.

– А вот, допустим, – небрежно заметил я, – кто-нибудь выдумает что-то особенно хитрое, такое, что и не обнаружишь, – и будет всегда выходить сухим из воды, никто его застукать не сможет.

– Ну, братец, – воскликнул весельчак, – это уж ты загнул! Не дай бог, если такое случится, – спасайся кто может. Поди узнай, на кого ставить. Букмекеры с горя на стенки полезут. – Он радостно заулыбался.

Невысокий конюх постарше его веселья не разделял.

– Такое делается из года в год, – сказал он, хмуро качая головой. – Есть тренеры, у которых «подкормка» разработана до тонкостей, – это я вам точно говорю. Некоторые тренеры травят своих лошадей постоянно, годами.

Однако другие конюхи с ним не согласились: теперь берут анализы на допинг; если и были среди тренеров любители портить лошадей, так их разоблачили, забрали лицензию и дорогу на скачки закрыли. Старый закон, правда, был не очень справедливым, говорили они, – по нему тренера автоматически дисквалифицировали, если в организме хотя бы одной его лошади обнаруживали допинг. А тренер виноват не всегда, особенно если лошадь стимулировали на проигрыш. Какой тренер пойдет на такое – портить лошадь, которую он месяцами готовил для победы? И все же, считали они, после изменения этого закона случаи допинга не уменьшились, а скорее увеличились.

– А что? Вполне логично. Сейчас тот, кто дает допинг, знает: если раньше он мог поломать тренеру всю жизнь, теперь страдает только одна лошадь в одном заезде. И совесть его не очень мучит, все

правильно. Многие конюхи не постеснялись бы за полсотни подсыпать в корм пригоршню аспирина, но они боятся – а вдруг после этого закроют конюшню, а потом, глядишь, и на дверь покажут – прощай, работка!

Вопрос этот их волновал, и они обсуждали его долго, сдабривая свою речь сильными словечками. Но я уже понял: о моих одиннадцати лошадях им ничего не известно. Все они, я знал, были из других конюшен и, конечно, пространных газетных отчетов об этих случаях не читали, а если кто и читал, то читал по отдельности, на протяжении полутора лет, а не так, как я, – все вместе в одной солидной, объемистой пачке.

На следующий день незадолго до полудня я отвел Искрометного из денника в паддок, провел по кругу для представления участников, потом держал ему голову, пока его седлали, снова провел по кругу, помог жокею сесть в седло и вывел лошадь к месту старта, а сам вместе с другими конюхами поднялся на маленькую трибуну возле ворот, чтобы оттуда смотреть заезд.

Искрометный пришел первым. Я был в восторге. Я встретил его у ворот и отвел в просторный загон для расседлания победителей.

Там, опираясь на трость, уже ждал полковник Бекетт. Он похлопал лошадь по холке, поздравил жокея, который снял седло и ушел взвешиваться, потом с усмешкой сказал:

- Кажется, она уже начинает окупаться.
- Прекрасная лошадь, а для нашей цели – просто идеальная.
- Отлично. Вам нужно что-нибудь еще?
- Да. Я хочу знать как можно больше об одиннадцати лошадях...

Где их растили, чем кормили, какими болезнями они болели, в какие кафе заходили водители фургонов, в которых их возили, кто делал для них уздечки, подгоняли ли им в период заездов подковы, если да, то какие кузнецы, – короче говоря, все, что можно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Дик Фрэнсис
ПОСЛЕДНИЙ
БАРЬЕР

Примечания

1

Фраза, ставшая крылатой, была произнесена американским журналистом Генри Стэнли (1841–1904) при встрече с шотландским миссионером и исследователем Дейвидом Ливингстоном (1813–1873) в Центральной Африке.

[Вернуться](#)

2

Сокращенное обозначение тротила.

[Вернуться](#)